ПРИДНЕСТРОВСКИЙ КОМПРОМИСС?

Путинцев И. С.

В статье анализируются факторы, определяющие российскую политику в отношении Приднестровья, а также предложены основы проекта урегулирования приднестровского конфликта на базе компромисса между Кишиневом, Москвой и Тирасполем.

Теоретически политика России в отношении Приднестровья могла бы развиваться по одному из трех сценариев:

1. Признание независимости Приднестровья. Вряд ли такое признание возможно в современной обстановке, поскольку оно привело бы не к урегулированию конфликта, а к резкой дестабилизации обстановки в регионе, возможному разрыву российско-молдавских отношений и значительному ухудшению отношений России с Украиной и Румынией, к появлению новых разногласий с ЕС и США. Более того, признание независимости ПМР могло бы спровоцировать обострение международных отношений в Молдавии и способствовало бы ухудшению положения русскоязычных граждан страны. Следует принимать во внимание и то, что перспективы широкого международного признания ПМР практически отсутствуют.

2. Стремление России к максимально длительному сохранению status quo в регионе. Такие намерения могут предполагать проведение формальных переговоров по проблематике урегулирования конфликта, не ставящих своей целью достижение компромиссного соглашения. Оценивая степень целесообразности такой политики, российские ученые придерживаются различных, порой противоположных точек зрения. Согласно заявленной в начале 2008 г. позиции Н. Г. Федуловой, «оптимальным вариантом для Москвы было бы сохранение статус-кво»¹. В свою очередь, П. Е. Смирнов считает, что «ставка на удержание конфликта в замороженном состоянии чревата политическими издержками и ведет к медленной эрозии российских позиций»².

3. Поддержание регионального status quo в сочетании с готовностью к практической реализации

целей, неоднократно заявленных Россией. Эти цели представлены в Обзоре внешнеполитической и дипломатической деятельности МИД России в 2008 г., согласно которому «Россия придерживалась принципиального подхода к урегулированию приднестровского конфликта на основе сохранения суверенной, нейтральной, территориально целостной Молдавии и согласования особого, надежно гарантированного статуса Приднестровья»³. Достижение заявленных целей предполагает готовность к началу конструктивных переговоров с Кишиневом по приднестровской проблематике при том условии, что и правительство Молдавии осознает заинтересованность в достижении всестороннего компромисса.

Из представленных трех сценариев предпочтительным представляется третий, поскольку существуют объективные предпосылки реинтеграции Молдавии:

1. Вооруженный конфликт 1992 г. не носил характер межэтнического, впоследствии за все годы миротворческой операции не было вооруженных инцидентов между сторонами⁴.

2. Между Кишиневом и Тирасполем сложилось общее экономическое пространство во внешнеэкономическом аспекте⁵. Приднестровские предприятия зависят от получения молдавской регистрации для ведения внешнеэкономической деятельности.

3. Проблема осуществления внешних связей Приднестровья усугубляется отсутствием границы с Россией.

4. Согласно переписи населения ПМР, проведенной в ноябре 2004 г., в структуре населения Приднестровья 31,9% составляли молдаване; 19,4% населения ПМР имели молдавское гражданство⁶.

5. Отсутствие принципиальной разницы в уровне жизни населения Молдавии и Приднестровья. Различия по ряду ключевых экономических показателей либо несущественны, либо свидетельствуют об отставании приднестровской экономики⁷.

6. С течением времени вопросы о дискриминационном характере государственной языковой политики Молдавии и возможном скором вхождении Молдавии в состав Румынии, неприемлемые для большинства населения Приднестровья, потеряли значительную степень остроты.

7. Закрепленный в конституции Молдавии нейтральный статус страны позволяет избежать острых споров о возможном вступлении государства в военно-блоковые организации.

Эти объективные реалии должны учитываться, поскольку в вопросе урегулирования приднестровского конфликта Россия может продемонстрировать пример конструктивного и эффективного посредничества в разрешении регионального конфликта на постсоветском пространстве.

В то же время, вплоть до изъятия Молдавией готовности к возобновлению конструктивного диалога по приднестровской проблематике Россия, скорее всего, будет готова продолжать поддерживать status quo в регионе, препятствуя давлению Кишинева на Тирасполь, как это было и ранее. Так, по некоторым оценкам, с весны 2006 г. Россия ежемесячно выделяла Приднестровью до 40 млн долларов помощи в качестве компенсации потерь от изменения таможенных правил Молдавии⁸. Для сравнения: вся финансовая помощь Молдавии со стороны ЕС за 2005—2006 гг. составила лишь 42 млн евро. Исходя из сравнения объемов финансовой помощи, предоставляемой сторонам конфликта Россией и Евросоюзом, можно сделать вывод о том, что вряд ли правы те молдавские исследователи, которые видят предпосылку реинтеграции страны в том, что «в случае реинтеграции и жители Приднестровья смогут воспользоваться помощью ЕС»⁹.

Россия могла бы предварительно выработать условия нового проекта приднестровского урегулирования, частично базирующиеся на положениях отклоненного 25 ноября 2003 г. «плана Козака». Основной причиной отказа президента Молдавии В. Воронина от подписания уже парафированного им соглашения, по-видимому, явилось требование России о продлении до 2020 г. российского военного присутствия в Приднестровье¹⁰, заявленное уже после опубликования проекта 15 ноября 2003 г. и ставшее для президента Молдавии неприятной неожиданностью. Критики «плана Козака» указывали и на то, что он

предполагал создание, по выражению Дж. Левенгардта, *federal monstrosity* – «уродливой федерации», в которой Приднестровье будет «удушать федерацию»¹¹. Недовольство вызывало то, что Приднестровью, численность населения которого составляла 14% населения Молдавии, на период до 2015 г. фактически предоставлялось право вето по многочисленным предметам совместного ведения федерации и субъектов федерации: Приднестровья и Гагаузии. После 2015 г. такое право фактически оставалось бы у Приднестровья и Гагаузии, совместно составлявших 18% населения Молдавии. Однако появления в тексте меморандума спорных положений нельзя было избежать, поскольку речь шла о масштабном компромиссе между сторонами. По утверждению Д. Н. Козака, фактическое право вето Приднестровья в верхней палате парламента лично у него «тоже вызывало всегда сомнения, да. Но это был тот компромисс, которого удалось достичь ради объединения, как тогда говорил президент Молдовы»¹².

Несмотря на провал «плана Козака», в 2003 г. был создан важный прецедент: руководство Молдавии признало принципиальную возможность выстраивать отношения с Тирасполем на основе не унитарной, а федеративной модели; в то же время правительство Приднестровья также выразило готовность к созданию федерации, а не конфедеративного «общего государства». Несмотря на то, что в дальнейшем обе стороны конфликта пошли на ряд не способствующих стабилизации обстановки односторонних действий¹³, прецедент создан, а некоторые положения проекта могут впоследствии послужить отправной точкой сближения позиций сторон. Более того, этот прецедент дискредитирует периодически озвучиваемые в литературе радикальные взгляды по проблематике урегулирования конфликта, основанные на не критичном восприятии позиций Кишинева¹⁴ или Тирасполя¹⁵.

Вряд ли реанимация «плана Козака» возможна: на это неоднократно указывало руководство Молдавии¹⁶. Однако компромисс между сторонами необходим; существуют объективные предпосылки для достижения в перспективе основополагающего соглашения между сторонами, и некоторые положения «плана Козака» могли бы стать составной частью нового проекта урегулирования конфликта.

Такое соглашение могло бы быть достигнуто сторонами конфликта при посредничестве России. Переговорный формат «5+2» (Молдавия, Приднестровье, Россия, Украина, ОБСЕ с привлечением ЕС и США в качестве наблюдателей), на сохранении которого настаивают Молдавия и ЕС¹⁷,

Международные отношения

представляется слишком громоздким, однако необходимым в свете евроинтеграционных устремлений Молдавии. Тем не менее, этот формат не должен препятствовать ведению переговоров по достижению предварительных соглашений между Кишиневом, Тирасполем и Москвой, о ходе которых следовало бы своевременно информировать ОБСЕ. Такие соглашения могут впоследствии быть представлены сторонами и в ходе переговоров в формате «5+2». Если предварительные соглашения действительно стали бы уверенным компромиссом, то в сочетании с духом конструктивного сотрудничества, возможного в настоящее время в отношениях между Россией и Западом, можно было бы обеспечить конструктивное отношение к проекту со стороны ЕС и других заинтересованных стран и объединений. Ниже представлено мнение о том, что могло бы стать основой компромисса.

1. Для разрешения конфликта необходима поддержка проекта урегулирования населением, как Молдавии, так и Приднестровья, выраженная в ходе референдума, проведенного при раздельном голосовании сторон.

2. Предоставление Приднестровью особого правового регионального статуса в составе Молдавии является необходимым условием урегулирования конфликта, поскольку иные сценарии вряд ли вызвали бы поддержку проекта населением Приднестровья. Закон Молдавии «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра» от 22 июля 2005 г. был принят в одностороннем порядке и имеет слишком общий характер, и поэтому не может считаться основой урегулирования.

3. Компромиссное соглашение между Кишиневом и Тирасполем не может быть достигнуто, если стороны не продемонстрируют намерения отменить действие ряда односторонних актов: Кишинев мог бы в результате переговоров отменить вышеупомянутый закон № 173 от 22 июля 2005 г., а Тирасполь – «Декларацию о независимости ПМССР» от 25 августа 1991 г.

4. Действующие конституционные положения Молдавии и Приднестровья не могут не претерпеть изменений в случае урегулирования конфликта. Молдавская сторона могла бы продемонстрировать намерение закрепить основы особого правового статуса Приднестровья в конституции Молдавии в результате внесения изменений в ныне действующую конституцию, а Приднестровье могло бы принять на основе предполагаемого Соглашения с Кишиневом об окончательном урегулировании конфликта (далее – Соглашение) Основной закон Приднестровья, заменяющий действующую

де-факто конституцию Приднестровья и не противоречащий конституции Молдавии с внесенными в нее изменениями.

5. Элементами особого правового статуса Приднестровья в составе Молдавии в соответствии с конституцией Молдавии и Основным законом Приднестровья могли бы быть:

1) Территориальная целостность Приднестровья в составе Молдавии, определяемая как наличие в составе Приднестровья территорий, де-факто управляемых Тирасполем по состоянию на момент Соглашения.

2) Функционирование в Приднестровье трех официальных языков: молдавского, русского и украинского.

3) Право Приднестровья на проведение референдума о выходе из состава Молдавии в случае отказа Молдавии от государственного суверенитета и (или) принятия Молдавией решения о присоединении к другому государству. Право на выход из состава Молдавии на основании результатов такого референдума.

6. Вопросы о возможном преобразовании Молдавии в федерацию и вопросы разграничения полномочий между Кишиневом и Тирасполем могли бы быть рассмотрены сторонами в ходе переговоров. При этом необязательно возвращение к основным положениям «плана Козака», однако некоторые компромиссные положения этого плана могли бы быть использованы в ходе подготовки Соглашения.

7. Для формирования общих органов власти Молдавии в соответствии с Соглашением мог бы быть установлен переходный период продолжительностью не более одного электорального цикла – 4-х лет.

8. Инициатива проекта и предварительно согласованные общие контуры Соглашения могли бы быть официально озвучены руководством Молдавии; проект может получить неформальное название по имени лидера Молдавии.

Поскольку урегулирование конфликта неизбежно предполагает внесение в конституцию Молдавии изменений, регламентирующих особый правовой статус Приднестровья, то молдавской стороне переговоров необходимо наличие конституционного большинства в парламенте Молдавии. Учитывая, что в настоящее время голоса избирателей разделяются приблизительно поровну между партиями Альянса «За европейскую интеграцию» и Партией коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), современная внутривнутриполитическая ситуация Молдавии не предполагает наличие такого большинства без образования «широкой коалиции» Альянса и ПКРМ при преимущественной роли

Альянса. Поскольку формирование такой коалиции в настоящее время практически исключено, то можно было бы попытаться создать ее «в узком формате» – по частному вопросу ведения переговоров об урегулировании приднестровского конфликта, что предполагает включение представителей ПКРМ в состав молдавских переговорщиков.

В случае готовности Кишинева и Тирасполя к достижению компромисса Россией и Молдавией могли бы быть согласованы следующие вопросы:

1. Изъявление принципиального согласия России на относительно скорый вывод Оперативной группы российских войск из региона после подписания Соглашения. Данный вопрос будет подробно рассмотрен в конце статьи.

2. Сохранение в регионе на протяжении переходного периода (до 4 лет при условии отсутствия вооруженных столкновений и продвижения процесса реинтеграции страны на условиях предполагаемого Соглашения) совместных миротворческих сил, действующих согласно положениям российско-молдавского Соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова, подписанного в Москве 21 июля 1992 г.

3. Полная демилитаризация Молдавии и роспуск ее военизированных формирований. Финансовая и материальная поддержка России в деле переквалификации и социального обеспечения оставших военнослужащих.

4. Возможность замены по прошествии 4-летнего переходного периода совместных миротворческих сил на гражданскую наблюдательную миссию ОБСЕ с участием в ее деятельности российских представителей, причем их количество в составе миссии должно быть не менее, чем количество представителей любой другой страны.

5. Заключение российско-молдавского договора о двойном гражданстве, необходимое затем, чтобы российские граждане, проживающие в Приднестровье, не оказались ущемлены в правах после реинтеграции Молдавии. Заключение данного договора также способствовало бы расширению и облегчению связей российского и молдавского населения.

6. Получение согласия Молдавии на открытие российского консульства в Тирасполе.

7. Выход Молдавии из ГУАМ.

8. Официальное признание Молдавией законности и неотчуждаемости прав собственности физических и юридических лиц, де-факто реализующих свои права на территории Приднестровья на момент подписания Соглашения.

Подобный сценарий развития событий предполагает некоторые уступки как со стороны Москвы

и Тирасполя, так и со стороны Кишинева. Однако такие уступки представляются приемлемыми, поскольку все задействованные стороны могли бы реализовать свои интересы в результате урегулирования конфликта:

1. Кишинев мог бы осуществить реинтеграцию страны и обеспечить бы свободное движение граждан, товаров и услуг в пределах страны.

2. Тирасполь мог бы обеспечить международное признание особого правового статуса и легализацию экономической деятельности.

3. Москва продемонстрировала бы пример успешного посредничества в процессе урегулирования конфликта на постсоветском пространстве и обеспечила бы защиту прав русскоязычного населения и российских граждан Приднестровья.

4. Европейские страны могли бы приветствовать вывод российских войск из региона и привлечение гражданской наблюдательной миссии ОБСЕ.

В декабре 1991 г. 14-я армия СССР, размещенная в регионе, обрела неопределенный статус. 1 апреля 1992 г. президент России Б. Н. Ельцин своим указом перевел ее под юрисдикцию России. Согласно Соглашению о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова от 21 июля 1992 г., в регионе организовывалась деятельность Объединенной контрольной комиссии (ОКК), состоящей из представителей Молдавии, Приднестровья и России. В подчинение ОКК перешли некоторые военные контингенты сторон, составившие Совместные миротворческие силы (СМС). 1 июля 1995 г. 14-я армия России была преобразована в Оперативную группу российских войск (ОГРВ) в Приднестровском регионе Республики Молдова. На саммите ОБСЕ в Стамбуле 19 ноября 1999 г. Россия приняла на себя обязательство вывести ОГРВ из Приднестровья до начала 2003 г. На встрече министров иностранных дел стран ОБСЕ в Порту, проходившей 6–7 декабря 2002 г., сроки вывода войск и вооружений были продлены до начала 2004 г. С 1992 г. по 2003 г. численность 14-й армии (с 1995 г. ОГРВ) уменьшилась с 9 250 человек до 1 300–1 400 человек¹⁸. За указанный период с армейских складов, расположенных у станции Колбасна, было вывезено 22 тыс. тонн боеприпасов; в настоящее время там остается 21,5 тыс. тонн боеприпасов.

Тем не менее, Россия не смогла выполнить свои международные обязательства по выводу войск и боеприпасов из Приднестровья по причине противодействия приднестровской стороны, которая потребовала у России оплаты вывозимого военного имущества по явно завышенным ценам –

Международные отношения

до 1,5 млрд долл. США¹⁹. В то же время следует отметить, что, несмотря на утверждения президента ПМР И. Н. Смирнова о том, что промышленность Приднестровья работала «без внешних заимствований»²⁰, Россия не раз поднимала вопрос о том, почему отпускная цена для потребителей газа в Приднестровье оказывалась в 2,5—3 раза ниже отпускной цены «Газпрома», что вело к огромной задолженности Приднестровья в рамках общего долга Молдавии перед «Газпромом»²¹. (По состоянию на 01 июня 2008 г., долг Приднестровья за газ достиг астрономической суммы 1 606 млрд долларов²²). В марте 2003 г. «Газпром» предложил в связи с претензиями Тирасполя списать Приднестровью 100 млн долларов долга²³, но Молдавия отказалась принимать участие в сделке (расчеты за газ шли через молдавскую компанию АО «Молдова-газ»), несмотря на предложение «Газпрома» списать 5 млн долларов долга Кишинева²⁴. Позиция ПМР о необходимости выплаты компенсаций за «собственность народа Приднестровья» осталась неизменной, в результате чего ОГРВ до сих пор не выведена из региона, что нарушает международные обязательства России.

Позиция руководства Приднестровья по противодействию выводу российских войск и вооружений неоднократно подвергалась критике России, в том числе и на высшем уровне²⁵.

В то же время, как отмечает видный российский политолог А. И. Никитин, «нет никакой прямой (правовой) связи между уходом 14-й армии и отзывом российского компонента из миротворческого контингента»²⁶. Таким образом, вывод ОГРВ из региона не ослабил бы гарантии безопасности Приднестровья.

Потенциальное согласие России на вывод ОГРВ из региона – решение непростое, однако оно аргументируется следующими причинами:

1. Нахождение ОГРВ в Приднестровье противоречит международным обязательствам России.

2. По конституции Молдавия – нейтральная страна. Согласно п. 2 ст. 11 конституции Молдавии Республика Молдова не допускает размещения на своей территории вооруженных сил других государств.

3. У ОГРВ на сегодняшний день отсутствуют какие-либо легальные основания для пребывания на территории Молдавии.

4. Факт значительного сокращения численности ОГРВ в 1992—2003 гг. свидетельствует о том, что она уже не приспособлена для выполнения серьезных военно-стратегических задач. Таким образом, никаким «ключом к Балканам», о чем могут говорить отдельные политики или пресса, эта группировка не является.

5. Миротворческие силы продолжают выполнять функцию поддержания мира в регионе. Комплектование российского контингента миротворческих сил вовсе не обязательно должно осуществляться из состава ОГРВ. Поэтому в случае вывода ОГРВ из региона у Приднестровья останутся гарантии безопасности, а у России – силовой резерв для ответных действий в случае нарушения мира Кишиневом.

6. Присутствие ОГРВ в Приднестровье льет воду на мельницу антироссийских сил в Молдавии. Спекуляции на тему «иностранный оккупации» являются важным фактором внутривнутриполитической жизни Молдавии. Численность и задачи российских войск в Молдавии совершенно не соответствуют уровню общественного внимания, прикованного к теме «оккупации».

Таким образом, вывод ОГРВ из Приднестровья может быть осуществлен в контексте урегулирования приднестровского конфликта, однако требования молдавской стороны о немедленном выводе миротворческого контингента России²⁷ представляются неконструктивными. В то же время, в последнем на настоящий момент совместном заявлении глав России, Молдавии и Приднестровья от 18 марта 2009 г. отмечена «целесообразность трансформации миротворческой операции, действующей в регионе, в новую операцию под эгидой ОБСЕ по итогам приднестровского урегулирования (курсив мой – И. П.)»²⁸, что может стать дополнительным стимулом для возобновления Молдавией конструктивного диалога по приднестровской проблематике.

Igor S. Putintsev. The Transnistrian Compromise?

The article focuses on the factors defining the Russian policy towards Transnistria. The article also proposes a draft of a plan for settling the Transnistrian conflict based on a compromise between Chişinău, Moscow and Tiraspol.

Ключевые слова

приднестровский конфликт, стратегия России, план Козака, проект урегулирования, Оперативная группа российских войск, миротворческая операция

Keywords

Transnistrian conflict, Russian policy, Kozak plan, settlement plan, Operational Group of Russian Forces, peacekeeping operation

1. Федулова Н. Г. «Замороженные» конфликты в СНГ и позиция России // Международная экономика и международные отношения и международные отношения. 2008. № 1. С. 67.
2. Смирнов П. Е. Приднестровская завязка // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1. С. 127.
3. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность МИД России. Обзор МИД России. С. 51. См.: www.mid.ru/brp_4.nsf/itogj/B286E140E4B7E48AC325752E002DEF65.
4. Морозов Ю. В. Миротворческая деятельность России по урегулированию конфликтов в Европе. Ч. 1. М.: Ин-т Европы РАН: Русский сувенир, 2007. С. 20.
5. Цвятков Н. Динамика развития переговорного процесса по урегулированию приднестровского конфликта: анализ документов 1992—2002 годов // Moldoscopie (Probleme de analiză politică). Chişinău: USM, 2006. № 2(33). P. 128.
6. www.pridnestrovie.net/files/pmr-census-2004.doc.
7. Например, согласно официальным данным, среднемесячная зарплата в 2008 г. составила: в Молдавии – 227 долл. США (2 529,7 молдавских лей по обменному курсу на 31 декабря 2008 г.), в Приднестровье – 24,6 долл. США. В то же время индекс потребительских цен в Молдавии стабильно ниже, чем в Приднестровье: так, в 2007 г. в Молдавии он составил 112,3%, в Приднестровье – 129,4%. См.: www.statistica.md/public/files/serii_de_timp/venituri_cheltuieli/veniturile_populatiei/4.1.1.xls; www.economy-pmr.org/old/2009/2009-03-27_dokl; www.statistica.md/public/files/serii_de_timp/preturni/IPC/i_01_IP_sector_econ_2000_2007.xls; www.economy-pmr.org/old/2008/2008_03_27_doklad.rar.
8. Муцушика Ш. Евросоюз и Россия о проблеме Приднестровья // Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья: сборник статей / Научн. редактор К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. С. 158.
9. Solomon C., Gumeniuc A. Conflictul transnistrean și procesul de negocieri în formatul «5+2» // Moldoscopie (Probleme de analiză politică). Chişinău: USM, 2008. № 3 (42). P. 183.
10. На это прямо указывает М. Ткачук – один из ближайших соратников В. Воронина, занимавший в 2003 г. должность советника президента Молдавии по внутривополитическим вопросам. См.: www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=631793.
11. Löwenhardt J. The OSCE, Moldova and Russian diplomacy in 2003 // The Journal of Communist Studies and Transition Politics (London), 4/2004. P. 109.
12. www.lenta.ru/articles/2005/11/25/kozak.
13. Ключевыми из которых были принятие парламентом Молдавии закона «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра» от 22 июля 2005 г. и проведение приднестровского референдума о независимости 17 сентября 2006 г.
14. См.: Трехсторонний план решения приднестровского вопроса / Ред. Н. Белицер. М.: Московский центр Карнеги, 2006.
15. См.: Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья. Бендеры: Полиграфист, 2007.
16. См., например: www.mw.ua/1000/1550/59555.
17. www.gazeta.ru/politics/2009/09/24_a_3264752.shtml; www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1109240; Дякону В. Приднестровский конфликт: замороженный, но разрешимый // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3—4. С. 376.
18. Neukirch C. The OSCE Mission to Moldova // OSCE Yearbook 2003. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg / IFSH (ed.). Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2003. P. 154; Морозов Ю. В. Указ. соч. С. 27; Chifu I., Nantoi O., Sushko O. «The breakthrough crisis» of a quick solution in Transnistria. Bucureşti: Cartea veche, 2008. P. 27.
19. Гольдин Г. Г., Матяш В. Н. ОБСЕ и Приднестровье. М.: ДА МИД России, 2002. С. 75.
20. Смирнов И. Н. Жить на нашей земле. 2-е изд. Тирасполь: Литера, 2005. С. 114.
21. Карлов Ю. Е. Приднестровский конфликт: геополитические, правовые и организационные аспекты урегулирования в Приднестровском регионе. М.: Изд-во МГИМО, 2000. С. 20.
22. www.regnum.ru/news/1115011.html.
23. Neukirch C. Ibid. P. 157.
24. www.gazeta.ru/2005/06/22/oa_161520.shtml.
25. См., например, высказывания президента России В. В. Путина от 11 ноября 2002 г. См.: www.kremlin.ru/appears/2002/11/11/0001_type63377type6338otype82634_29553.shtml.
26. Никитин А. И. Конфликты в СНГ и политика России // Десять лет внешней политики России: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / Под ред. А. В. Торкунова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 308.
27. См. заявления и.о. президента Молдавии М. Гимпу от 24 сентября 2009 г. См.: www.gzt.ru/topnews/politics/262215.html.
28. www.kremlin.ru/text/themes2009/03/214109.shtml.